

вании путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг. с приложением статистических и метеорологических таблиц» также построена в форме писем. Она состоит из пяти писем, причем каждое имеет наименование: «Введение», «Климат», «Классы общества», «Коммерция» и «Описание Петербурга». Если в «Путешествии» автор обращался к неназванному адресату, сохраняя таким образом впечатление интимности переписки, к тому же точно датированной, то в «Замечаниях» этот прием не применяется и организация материала в виде писем носит откровенно условный характер. Фактически это научно-публицистический трактат, к которому приложены обширные статистические таблицы с данными о русском экспорте и импорте за 1742—1791 гг., о денежном курсе 1781 г. и о составе купеческих фирм, ведущих внешнюю торговлю.

Едва ли не наиболее значительный интерес и по существу, и с точки зрения характеристики взглядов автора представляет третье письмо, касающееся социальных отношений в русском обществе. Главное, что бросается в глаза путешественнику, писал Штернберг, это экономическая скудость и плохое использование природных богатств страны, бедность деревни и незаинтересованность земледельца в лучшей обработке почвы. Однако И. Штернберг не склонен относить это только за счет нерадивости или лени русских крестьян. «Эта местность, которая требует помощи человеческого труда и прилежания, населена людьми, столь же мало озабоченными тем, чтобы иметь собственность, как и остальные классы общества под российским господством, и не знающими иного учителя, кроме русского кнута».¹⁹ И. Штернберг иронически отзывался о той апологетической литературе, «в которой <...> читал все время о благосостоянии, богатстве и счастливой судьбе» простого народа в России, в то время как видел ужасающую нищету деревни, дороговизну и низкое качество основного предмета питания — хлеба, закопченные курные избы, изможденных людей. Он подвергал осуждению показной характер политики Екатерины II и несостоятельность прославлявших ее авторов. В этой связи Штернберг сделал замечание, которое можно расценить как намек на судьбу А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Касаясь апологетической книги А. Гуппеля «Опыт о государственном устройстве России» (Рига, 1791), восхвалявшей свободу и благосостояние, которые будто бы царят в русской деревне, И. Штернберг писал: «Подумать только, из каких мест извлекает он свои известия, однако читатель знает уже заранее, какую правду добудет он из чтения книги, написанной в империи, где кнут одновременно является руководителем пера и великая русская Бастилия, пустынная Сибирь, достигает писательского стола».²⁰ А ведь именно там, в этой «великой рус-

¹⁹ *Sternberg J. Bemerkungen...*, s. 65.

²⁰ Там же, с. 80.